

М. Я. СЮЗЮМОВ

РОЛЬ ГОРОДОВ-ЭМПОРИЕВ В ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ¹

I

Развитие Византии с V по середину XI в. во многом отличается от развития Западной Европы того же времени. В Византии, как известно, сохранился в основном государственный аппарат, центр государственной власти, сохранились торговые города. Вместе с тем в Византии сохранилось в полной мере римское право, основанное на принципе неизблемости частной собственности и товарно-денежного обращения.²

Буржуазные историки считают эту специфику истории Византии в конечном счете следствием ее географического положения. Марксистская наука, однако, не может ограничиться одним констатированием специфического фактора византийской истории. Классики марксизма учат о необходимости уяснить те объективные закономерности, которыми определялись мотивы масс людей, творивших свою историю.³

Специфические черты истории Византии не являлись ни случайностями, ни простым отражением ее географического положения, но во всем своем противоречии определялись действием объективных закономерностей. Поэтому разрешение важнейших проблем истории Византии может быть основано только на изучении действия экономических законов и активного отношения отдельных групп общества к применению этих законов.

Мы не ставим задачей настоящей статьи изучение действия всех экономических законов, управлявших общественной жизнью Византии V—XI вв. Как и в Западной Европе, в Восточно-Римской империи пробивал себе дорогу закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. В Византии на смену рабовладельческого способа производства приходил феодальный, укреплялась феодальная собственность на землю и неполная собственность на работника, проявлявшаяся в различных формах — от сословного неравноправия до крепостной зависимости.

Несмотря на господство натурального хозяйства, феодальное общество не могло уже без наличия хотя бы поверхностного обмена возобновлять производство на прежнем основании и в прежних размерах: необходимы были металлы, соль, красители и т. д. А для некоторого

¹ Редакция считает некоторые положения статьи М. Я. Сюзюмова дискуссионными.

² О крупной роли, которую играл византийский город в экономическом отношении как центр товарного обращения для окрестного крестьянства и морской торговли, см.: Н. В. Пигулевская. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии. Виз. вр., т. IV, 1951, стр. 87—88.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 41.

развития производства необходимым был обмен опытом — распространение видов и техники ремесла.

У господствующего класса феодалов имелся спрос на предметы роскоши, что стимулировало рост соответствующих ремесел и способствовало развитию обмена. Короче говоря, товарное производство должно было обслуживать феодальное общество. Часть предметов роскоши, рассчитанных на удовлетворение потребностей феодалов, производилась на месте, в ремесленных мастерских. Другие же, как шелк, парфюмерия, косметика, красители, самоцветы и т. п., получались путем обмена с самыми отдаленными странами. Совершенно закономерным является возникновение в географически удобных пунктах больших торговых центров — городов-эмпориев. Такие города существовали в античном мире для удовлетворения потребностей рабовладельцев в предметах роскоши. Являясь центрами обмена между самыми различными странами, города-эмпории становятся также центрами обмена производственным опытом.

Развиваются различные ремесла. В условиях наличия более или менее крупного для того времени „массового“ спроса, города-эмпории делают также важнейшими центрами товарного производства. В рабовладельческом обществе товарное производство и товарное обращение получило относительно широкое распространение. Но товарное обращение развивалось по своим законам, которые в основном покоились на законе стоимости. Законы товарного обмена существовали в условиях разных формаций. В. И. Ленин писал об этом: „Равным образом и для объяснения роли скупщика мы должны принять, что покупка-продажа продуктов совершается им по общим законам товарного обмена“.¹ Закономерности товарного обращения — закон стоимости в его развернутой форме, ценообразования, анархии производства, конкуренции — все это присуще было не только капиталистическому обществу, но и всякой формации, в которой господствовала частная собственность на средства производства: „товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои особые, присущие ему и неотделимые от него, законы; и эти законы пробивают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на отдельных производителей как принудительные законы конкуренции. Они, следовательно, сначала неизвестны даже самим производителям и должны быть открыты ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они устанавливаются помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства“.² Энгельс говорил о том, что „дремавшие раньше законы товарного производства“ действуют более властно с расширением товарного производства.³

Действие законов товарного производства в условиях рабовладельческого способа производства было ограничено. Не было ничего подобного национальному рынку. Грандиозные поставки продуктов и прочих предметов потребления в порядке литургий были только формой грабежа покоренных народов, но не элементами единого рынка. Вся внутренняя торговля между отдельными местными рынками велась по принципу внешней торговли. Поэтому товарное производство, обслуживающее античное общество, сосредоточивалось в отдельных городах.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 313.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. 1950, стр. 255—256.

³ Там же, стр. 256.

Это — города-эмпории с окружающей их периферией. Именно в городах-эмпориях с их развернутым товарным производством должны были отчетливо действовать закономерности товарного производства. Но во время общего кризиса рабовладельческого общества товарное производство и обращение были потрясены. Целый ряд торговых городов, в особенности в Западной Европе, потерял свое значение. Однако товарное производство не могло исчезнуть совершенно. Существование его было необходимо для развития феодального способа производства и всего феодального общества. Там, где имелись соответствующие географические условия, античные города-эмпории не погибли, а напротив, стали развиваться. Такие города, как Константинополь, Фессалоника, сохранились в раннем средневековье: 1) так как в них ощущалась необходимость, 2) в силу удобства своего географического положения, 3) вследствие наличия готовой производственно-торговой организации, 4) потому что господствующий класс сумел использовать в своих интересах товарное производство и обращение для феодализирующего общества, сумел извлечь выгоды из географического положения отдельных городов, сумел удачно применить, переделать, приспособить к новым условиям античные производственные и торговые традиции и 5) потому что городское население сумело защитить города от „варварского“ разгрома и с высоким трудолюбием и вкусом производить материальные ценности, восхищавшие людей того времени.

Полный упадок городов как центров товарного производства мы наблюдаем в Западной Европе в VI—IX вв. Но такой упадок городов не был повсеместной и обязательной необходимостью при переходе от рабовладельческой формации к феодальной. Города как центры товарного производства перешли в готовом виде в средневековье и в Византии, и в Южной Италии, и, отчасти, в Испании, и в Китае.

Все население городов-эмпориев, естественно, стремилось отстоять от „варваров“ условия для сохранения товарного производства. Ведь победа „варваров“ сопровождалась уничтожением старого государственного аппарата. Но старое государство охраняло принцип частной собственности. С крахом этого государственного аппарата частная собственность в городе, безразлично, была ли она крупной или же мелкой собственностью ремесленника, никем не охраняемая, погибала. Сами ремесленники, как люди полезные, попадали к варварским вождям в качестве пленников-рабов. Естественно, что горожане, защищая условия для товарного производства, должны были поддерживать существовавшую власть в городе-эмпории, и не потому, что мелкие товаропроизводители склонны были поддерживать рабовладение, не в силу своей привязанности к рабовладельческому государству, но потому, что товарное производство нуждается в непрерывности, в преемственности. Нарушение преемственности и гибель существующих норм являлись в то же время гибелью налаженного товарного производства. Правда, в дальнейшем товарное производство и частная собственность могли появиться и развиваться и в феодальном государстве. Но это было бы результатом длительного процесса. В период же варварских нашествий городское население городов-эмпориев объективно, несознательно защищало рабовладельческое государство, которое своим законодательством, действующим правом гарантировало существование норм товарного обращения, необходимых и закономерных в обществе, перешедшем на товарное производство. Поэтому все свободное городское население, вовлеченное в товарное производство, не могло безразлично относиться к варварскому завоеванию: оно могло

только выступать с оружием в руках против варваров, грозящих гибелью и частной собственностью, и рыночным отношениям, и возможностям товарного производства. И городские крупные землевладельцы-домовладельцы, собственники проастиев, и купечество, и ростовщики, и собственники эргастерий, и мелкие ремесленники, и люмпенпролетарии, пользующиеся подачками со стороны государства и господствующих классов,—все они стояли за сохранение крупного города-эмпория. Источники сохранили сведения об упорной борьбе городского населения крупных городов за сохранение города как центра товарного производства. Достаточно привести примеры защиты населением Константинополя в 378 г., выступление населения столицы против Гайны в 400 г., неоднократная оборона Фессалоники. Конечно, от этой защиты города-эмпория от варварского разрушения выиграла в первую очередь городская землевладельческая знать — собственники больших домов и проастиев, сановники рабовладельческого государства. Сохранение городов-эмпориев, которые были в то же время крупными административными и культурными центрами, давало возможность существовать непрерывной традиции рабовладельческого государства и ряду элементов надстройки рабовладельческого общества. Сохранение крупных городов-эмпориев не спасло рабовладельческий строй, но зато определилась специфика исторического пути развития для восточной части Римской империи, — генезис феодализма в Византии стал проходить в условиях наличия сравнительно крупных центров товарного производства, относительно широкого товарного обращения во всей стране, а также в условиях, когда элементы надстройки феодализующейся Византии оформлялись в обстановке товарного производства, сохранившего преемственность и непрерывность от времен античного мира.

II

Под словом „ἐμπόριον“ разумелось каждое место, где ἐμπόροι разных центров торговли производили торговые сделки. Обычно „ἐμπόριον“ — гавань. Но древние упоминали и ο μεσογειῶν ἐμπορίων. При этом слово „ἐμπόριον“ связывалось с представлением о центре товарного производства: „ἐργαστήριον μετὰλοπρεπείας“ (Themistii oratio, 18). К. Маркс называет эмпориями центры крупной морской и сухопутной торговли,¹ „где, стало быть, производство, так сказать, естественно рассчитано на меновую стоимость . . .“. К крупным византийским городам-эмпориям в основном можно отнести Константинополь и Фессалонику. Такие эмпории, как Антиохия, Александрия, перешли к арабам, большинство же других византийских городов после событий VI—VII вв. пришли в упадок, аграризировались; их дальнейший подъем в XI—XII вв. происходил уже на основе внутреннего развития феодальной экономики провинции.²

Можно отметить три особенности византийских городов-эмпориев.

1) Товарное производство этих городов обслуживало не только местный рынок, не только Византию, но и феодализующиеся страны Западной и Восточной Европы.

2) Многолюдные города-эмпории, как Константинополь и Фессалоника, были также центрами потребления доходов провинциальной знати

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 48.

² Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии VIII—X вв. Виз. вр., т. VI, 1953 г. и А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. Советская археология, т. XXI, 1954.

и представляли собою обширный местный рынок, вовлекавший в товарное производство окрестное население.

3) Старые города-эмпории, Константинополь и Фессалоника, оставались в продолжение всего существования Византии ее административными и культурными центрами.

Все эти особенности отразились на историческом развитии Византии.

Во внешней торговле периода генезиса феодализма главными товарами были предметы роскоши. При наличии массового сбыта предметов роскоши производство рабовладельческого типа могло долго удерживаться даже в условиях феодального окружения. Труд раба делался невыгодным, нерентабельным. Но эта нерентабельность могла быть в условиях товарного производства обнаружена только в действии закона стоимости. Между тем мы знаем, что в феодальном обществе товары продавались по стоимости только на внутреннем рынке. На внешнем рынке продажа, как правило, осуществлялась не по стоимости. Ф. Энгельс пишет о торговле в средние века: „... мы обнаруживаем здесь такое явление, что во внутреннем розничном обороте между отдельными производителями товары в среднем продаются по своим стоимостям, а в международной торговле, по указанным основаниям, общим правилом является продажа не по стоимостям. Полная противоположность современному положению...¹“ То обстоятельство, что товары на внешнем рынке продавались не по стоимостям, делало нерентабельность рабского труда менее заметной. Поэтому, пока городов-эмпорий было мало, пока на внешнем рынке не развилась конкуренция, рабовладельческие отношения в городах-эмпориях могли сохраняться в продолжение длительного времени. Возможность сбыта иностранцам за дорогую цену предметов роскоши приводила к тому, что цены на них поднимались и внутри города-эмпория. Это в свою очередь вызывало стремление крупной знати иметь в своих „домах“ свое производство предметов роскоши силами своих рабов в своих гинекеях, — как это мы видим в Константинополе X в. на основании текстов „Книги эпарха“ (VIII, 2). Поскольку же в производстве имелись возможности сохранения старых производственных отношений, полная частная собственность на раба представляла собою известную ценность в условиях крупного города-эмпория. Но эти старые производственные отношения могли сохраняться только в сравнительно узкой сфере производства предметов роскоши, могли сохраняться только в качестве уклада.

Помимо того, раб, рабыня представляли собою ценность как предметы роскоши. Однако в византийском праве стоимость раба определялась его деловыми, производственными навыками, его τέχνη.² Все это приводило к тому, что в Византии феодализирующееся государство сохраняло законодательную защиту рабовладения, хотя рабовладение и перестало быть основой производственных отношений в Византии. Это вылилось в стремление византийского законодательства сохранить в неприкосновенности все позднеримские положения о статусе раба.

К тому же возможности широкого массового сбыта предметов товарного производства на внешний рынок создали условия для возникновения мануфактур нерабовладельческого типа. К. Маркс указывал: „Мануфактура возникает там, где происходит массовое производ-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III. Гос. Изд. полит. лит., 1950, стр. 917.

² Василики, XVI, 8, 6; Новелла Льва VI, 66; Пира, 38, 32.

ство на вывоз для внешнего рынка, следовательно, на базе крупной морской и сухопутной торговли, в эмпориях (коммерческих центрах), каковы итальянские города, Константинополь...¹

В производстве шелковых тканей, которое было главной отраслью производства предметов роскоши на вывоз, развивались элементы разделения труда с подчинением мелких ремесленников как работников на дому. В „Книге эпарха“ говорится о катартариях, которые находились в экономической зависимости от метаксопратов. Катартариев нельзя еще назвать в полном смысле работниками на дому, поскольку они формально не получали от метаксопрата сырья, а покупали его.² Но поскольку они обязаны были продавать очищенную метаксу не на сторону, а только метаксопрату, они переходили на положение работников на дому. Положение катартария — любопытный пример переходного состояния от самостоятельного ремесленника в состояние работника на дому.

Источники приводят данные о наличии в городах-эмпориях наемных работников-мистиев. При массовом сбыте наемный труд в византийских городах-эмпориях был необходимостью в большей мере, чем в небольших городах запада, эпохи средневековья, где тоже существовал труд поденщиков. Мистии представляли собою многочисленную, но неустойчивую, классово-неопределенную прослойку.

В основном в качестве мистиев нанимались в летнее время городские бездомные люмпен-пролетарии. Иоанн Златоуст говорил о константинопольской бедноте: „Летом бедные имеют облегчение — в удобстве заниматься работами, в них нуждаются и строители домов, и возделыватели земли... зимой же... никто их, несчастных, не принимает в услужение“.³ Нанимались и пришедшие из деревни; мистием мог стать и разорившийся купец; бедный ремесленник время от времени мог тоже поступать в услужение. в качестве мистия; в качестве мистиев на время нанимались иногда и странствующие монахи; мистием мог стать и человек, отрабатывающий сумму задолженности по решению суда; мистием считался и выкупленный из плена, отрабатывающий сумму выкупа. Мистием мог стать и раб — или по воле господина, который получал от этого доход, или же без его ведома. Во всех случаях состояние мистия было временным, случайным.⁴ Положение это вполне соответствует феодальному строю. Ф. Энгельс указывал, что только в капиталистическом обществе „рабочий, нанимающийся время от времени, превратился в пожизненного наемного рабочего“.⁵ Но и это случайное временное состояние наемного работника

¹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. 1940, стр. 48.

² М. Я. Сюзюмов. *Книга эпарха*. Ученые записки Свердл. пед. инст., VI, 1949, стр. 64.

³ MPG, 49, стр. 270.

⁴ Новелла Льва VI, 100; Эклога, VIII, 6; ср.: paramone — BGU, IV, 1153, II, 1154; Nomos Nautikos, VIII, стр. 15, ed. Ashburner; Новелла Юстиниана, 80; о мистии — рабе см.: Prochiron, XVII, 23; Василики, 60, 50, 1, с. 16; Василики, 20, 1, 41, с. 1; 20, 1, 44; 60, 7, 9 и 18, 1, II, 8; 60, 14, 1, с. 8. — О прибывающих из деревни на заработки см.: Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.—Л., 1940, стр. 42; она же. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1942, стр. 156. О мистиях: Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник, 1945, стр. 126, в основном о мистиях в сельском хозяйстве; А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. Ученые записки Тульск. педаг. инст., 1951.

⁵ Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*. Гос. Изд. полит. лит., 1951, стр. 255.

сыграло важную роль в действующем праве. Юридические нормы найма рабочей силы были разработаны византийским правом.¹

Вторая особенность города-эмпории приводила к важным следствиям. Население, исчисляемое сотнями тысяч, множество иностранных купцов, проживающих в столице, представители провинциальной знати (чиновничество, служители церкви), тысячи приезжающих по судебным делам, — все они создавали емкий рынок сбыта с большой покупательной способностью. В результате этого в городах-эмпориях имелось множество ремесленников, изготавливающих предметы массового спроса не на внешний, а на местный рынок. Развиваясь в условиях местного рынка, мелкие эргастерии-ремесленников и торговцев представляли собою типичные предприятия средневековых городов.

Уставы византийских мясников, булочников, виноторговцев, рыбо-торговцев, поскольку мы можем судить по „Книге эпарха“, в существенном мало отличались от подобных же уставов западноевропейских городов. Эти мелкие предприятия вполне соответствовали характеру производительных сил того времени. Те виды хозяйств мелких товаро-производителей, которые сосуществовали рядом с рабовладельческими эргастериями в античном городе, теперь превратились в основной вид мелкого производства в византийском средневековом городе. Поскольку эти мелкие хозяйства перешли в готовом виде от античного времени,² византийские города-эмпории по своей внутренней организации на много веков опередили средневековые города Западной Европы. Широкий местный рынок города-эмпория вовлекал в товарное производство окрестное население на большом пространстве вокруг города. Крестьяне, жившие в окрестных селах, переходили на так называемое подгородное хозяйство, которое, сохраняя внешние черты натурального производства, тем не менее уже являлось органической частью городского товарного хозяйства, будучи связано со снабжением города продуктами питания, топливом и т. д.

Потребности емкого городского рынка вызывали к жизни подгородные хозяйства крупных городских богачей. Это — так называемые проастии, экономическая сущность которых может быть понята только в связи с товарным производством. В проастиях работали рабы и мистии; только с XI в. в подгородных проастиях появляются поселенные парики, которые и вытеснили рабский труд в проастиях. Подгородные проастии представляли собою не элемент потребляющего хозяйства, но связанные со снабжением города предприятия товарного производства (виноградники, оливковые рощи, фруктовые сады, солеварни). До известной степени аналогией им можно считать фольварки в Польше.

Наличие широчайшего местного рынка и удобств для торговых операций давали возможность товаропроизводителям сбывать продукты своего труда прямо потребителю, не нуждаясь в посреднике. Законодательство запрещало торговое посредничество, требуя строго отличать покупку для собственного потребления и покупку для перепродажи. Только члены специальных корпораций в ограниченной сфере своей специальности могли быть торговыми посредниками между производителем и потребителем. В Константинополе скупщик не был только посредником; в большинстве случаев он скупал товары, имея в виду повышение цен при их недостатке, то есть делал ставку на

¹ Cod. Iust., VIII, 10, 12, 9; Книга эпарха, гл. 22.

² М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. Виз. вр., т. IV, 1951, стр. 13.

товарный голод. Ту экономически необходимую роль, которую скупщик играл во втягиваемой в товарное обращение деревне, в городе-эмпории для местных мелких производителей он играть не мог. В отраслях, где не требовалось сложного оборудования и дорогостоящего сырья, мелкие товаропроизводители города и подгородной деревни могли обходиться без посредника, тогда как в условиях феодальной деревни скупщик был „хозяйном“ местного рынка.¹ За исключением узкой сферы производства предметов роскоши, превращение мелкого товаропроизводителя в наемного работника на дому в таком центре, как Константинополь, могло происходить только замедленными темпами.

Широчайшие возможности прямого сбыта потребителю своих изделий приводили к концентрации в Константинополе и Фессалонике громадного количества мелких товаропроизводителей, взаимно конкурирующих и снижающих цены на свои изделия. В результате заработок мелкого товаропроизводителя становился минимальным, едва обеспечивающим полуголодное существование. Современники единогласно констатируют ужасающую нищету громадных масс населения Константинополя.² Но эта нищета населения не стала источником создания капиталов, доставляя преимуществу только потребляющему богатству (чиновный мир, церковь, феодалы).

Наличие в городе-эмпории более или менее централизованного аппарата феодализирующегося государства сыграло особенно важную роль в византийской истории. Аппарат всякого феодализирующегося государства является, в сущности, орудием угнетения в руках класса феодалов, но по форме своей аппарат власти в феодальном поместье значительно отличается от аппарата государства, центром которого является большой торговый город. Развиваясь в обстановке товарного хозяйства, государственный аппарат, естественно, должен учитывать потребности тех прослоек господствующего класса, доходы которых связаны с эксплуатацией мелких товаропроизводителей и внешней торговли. В Византии это было тем более необходимо, поскольку Константинополь был не простым центром торговли, но „золотым мостом между Востоком и Западом“, как его называл К. Маркс.³

Доходы государства во многом зависели от развития товарного обращения в крупных городах. Поэтому законодательство государства, естественно, учитывало в первую очередь не натуральнохозяйственные отношения, но потребности товарного хозяйства. Действующее право позднеримского времени, получившее свое оформление в обстановке крупных городских центров, покоилось на юридических идеях, отражающих условия того общества, которое полностью было втянуто в товарные отношения.

Естественно, что эти юридические идеи исходили из признания господства той формы собственности, которая наиболее соответствовала товарному обращению: *dominium plenum*. Под полной собственностью, по Юстинианову и позднему византийскому праву, мы можем разуметь собственность товаровладельца на товар; собственник может перепродать, заложить, сгноить товар. В обществе, в котором господствует товарное хозяйство, понятия „товар“ и „полная собственность“ взаимно связаны. Это относится не только к движимому и „самодвижущемуся“ имуществу, но и к недвижимости, к земле. Собственность на участки земли и в городе была непременным условием политического могущества

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 313.

² Обзор документов, рисующих нищету в Константинополе, см.: А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным агнографии. М., 1917, стр. 130, 209 и сл.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 441.

данного лица. Патриографы, а также данные топонимики и отдельные сообщения из агнографии и хроник дают представление о том, что земельные участки в городе и в пригородах находились в собственности лиц, имевших крупное значение в политической жизни страны. Даже районы торговых рынков, пристаней назывались по имени вельмож, имевших в собственности данные участки земли (Эмвол Домнина, Леонтия, гавань Елевтерия, порт Цезария и т. д.). Собственник *ἰδαφος*, т. е. участка земли в городе под постройкой, под городским или пригородным садом, под проастием, был безусловно полным собственником. Он мог свой *ἰδαφος* продать, заложить, подарить, пожертвовать церкви, мог внести в свой участок улучшения, мог забросить его.¹ Согласно „Кодексу“ Юстиниана, „Василикам“, „Шестикнижью“ Арменопула — собственность на землю была по л н о й. *Δεσποτής* мог неограниченно распоряжаться своей землей. С точки зрения мобилизации земельной собственности ни „Дигесты“, ни „Кодекс“, ни „Василики“ не знают в основном ограничений. Это было естественно, так как в основу юридической теории были положены отношения города-эмпория с развитым товарным обращением. Эти отношения городского хозяйства в юридической теории переносились и на всю страну, несмотря на то, что в стране в основном господствовало не товарное производство, а натуральное хозяйство. Эта полная собственность не была только голой теорией; в купчих, актах передачи, в различных сохранившихся монастырских актах постоянно подчеркивается, что речь идет именно о полной частной собственности. Формулой передачи обычно были слова: „κατέχειν καὶ νέμεσθαι ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τοὺς ἐξῆς ἅπαντας χρόνους, κατὰ τελείαν δεσποτείαν καὶ ἀναφαίρετον κυριότητα, ἔχουσα ἐξουσίαν πάντα ποιεῖν καὶ πράττειν, ὅσα περ οἱ θεῖοι νόμοι τοῖς ἀλλήλοισι τῶν πραγμάτων δεσπotais πράττειν διακελεύονται“ (иметь в собственности и владеть от настоящего времени во все последующие времена, по праву полной собственности и неограниченного хозяйствования, имея власть делать и предпринимать все, что позволяют царские законы предпринимать подлинным собственникам вещей).

Такое же понимание полной частной собственности переносилось и на крестьянское владение в недрах свободной общины. Это подрывало общинную собственность. Особенно это перенесение можно засвидетельствовать в подгородных районах. На примере славянских общин около города Фессалоники мы видим, как быстро в условиях товарно-хозяйственного окружения племенная собственность превращалась в полную частную собственность землевладельца.² В типичных для феодализма натуральнохозяйственных условиях барщинного хозяйства феодальная собственность была соединена с наличием зависимых мелких хозяйств собственников, которые, как правило, были полными

¹ Собственность на земельный участок являлась преобладающей перед всеми остальными видами собственности на средства производства. „Если кто на своем участке построил здание из чужого материала, то он именно и считается господином здания, так как все, что построено, делается принадлежностью участка... Наоборот, если кто на чужом участке построил здание из своего материала, здание будет считаться собственностью господина участка...“. Эти положения Дигест (41, 1, 7) включены в „Василики“ (50, 1). Конкретный случай покупки пустого места в городе — незастроенного участка земли в Константинополе: MPG, 108, стр. 919. Патриографы передают, с каким трудом Юстиниан смог купить у одной вдовы участок земли, необходимый для постройки храма св. Софии. О продаже и сдаче в аренду собственниками пустыррей вокруг домов см.: Василики, 20, 1, 57, с. 1.

² Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX веках. Академику В. Д. Грекову ко дню семидесятилетия, сборник статей, М., 1952, стр. 53.

собственниками орудий труда и продуктов труда и владельцами, притом наследственными, земельных участков. Поскольку господствующий класс феодалов был связан отношениями землевладения, частная собственность на землю дополнялась различными формами неполной, условной собственности: владения, держания, пользования, что хотя и тесно, неразрывно связано было с феодальной собственностью, но не было полной собственностью. Мобилизация всех таких владений, держаний, пользований хотя и была возможной, но была затруднена. В условиях города, наоборот, полная частная собственность с полной свободой мобилизации господствовала неоспоримо. Всякое же стеснение в мобилизации земельных владений есть типичное явление феодального строя и в дальнейшем приводило к задержке общественного развития.¹

Таким образом, мы должны отметить наличие противоположных тенденций: в районах, вовлеченных в товарное производство вокруг городов-эмпориев, мы замечаем тенденцию к всемерной свободе мобилизации земельной собственности, — в районах преобладания натурального хозяйства, наоборот, мы можем отметить всяческие препятствия отчуждению земельных владений. Новеллы о запрещении продажи динатам крестьянских земель действительно были в провинции и недействительны были в стоимильной полосе вокруг Константинополя, т. е. в районе, втянутом в товарное производство.² Интересно отметить, что как раз тот император, который в наибольшей степени соблюдал интересы городского товарного хозяйства, именно Лев VI, в своих новеллах вводил неограниченную свободу купли-продажи земельных владений в столице и сохранял в то же время ограничения в провинции (нов. 84 и 114). Мануил Комнин, отражавший тенденции феодальных землевладельцев провинции и высшей знати, пытался ограничить свободу отчуждения земли. Андроник Комнин, который в большей мере отражал интересы городской знати, отменил этот указ.

Как во времена Юстиниана, так и в IX, X, XI вв. византийское правительство стремилось распространить на всю территорию империи действие норм римского права, основанного на отношениях товарного хозяйства и частной собственности. Но в византийской провинции господствовало в основном натуральное хозяйство, силен еще был среди крестьянства общинный уклад.

Dominium plenum — полная собственность на участок земли или дом — в условиях большого города-эмпория являлась в то же время правом на эксплуатацию мелкого товаропроизводителя. Ремесленник был собственником мелких орудий труда, но мастерская, дом на собственном участке земли доступны были лишь весьма состоятельным. Обычно мелкий товаропроизводитель работал в портиках, примыкающих к большому дому знатного горожанина, или же снимал помещение под мастерскую в доме богатого горожанина.³ Вопрос об „эноикион“,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 271.

² Пира, 51, 9.

³ Иногда мастерская сдавалась по частям многим мелким ремесленникам, работающим самостоятельно, но в одной мастерской. В таком случае ремесленники платили хозяину только за право работать в мастерской, но не имели права жить в ней. В Книге епарха соответствующей формой являлась мастерская кожевников, где много ремесленников работали в одной мастерской каждый сам для себя (Книга епарха, XIV). В папирусах имеются примеры сдачи мастерской по частям с условием работать, но не жить в ней. (Par. Lond., III, 994—517 г.; Par. Cairo, 67110). Подобное же требование, очевидно, предъявлялось и снимающим мастерские на Месе, — плавильщики золота должны были работать не на дому, а в мастерских (Книга епарха, 2, 11).

квартирной плате в Константинополе, был острым. В „Книге епарха“ неоднократно приводится запрещение „явно или скрытно“ повышать квартирную плату за помещение под эргастерию.¹ Из действующего права „Василик“ мы узнаем, что вместо части денежной квартирной платы иногда мелкие товаропроизводители обязаны были отрабатывать домохозяину или выплачивать продукцией своей эргастерии.² И домовладелец, и снявший у него помещение под мастерскую были частными собственниками. Доход домовладельца — эксплуатация мелкого товаропроизводителя собственником земельного участка, на котором находился дом, аналогична феодальным формам эксплуатации в деревне.

Как мелкое крестьянское хозяйство в деревне, так и мелкое ремесленное хозяйство в городе отдавали прибавочный продукт собственникам земельных участков.

В городе-эмпории существовала и другая форма эксплуатации мелкого товаропроизводителя: получение от государства права на сбор пошлин и налогов с данной мастерской. Константин Великий, затем Анастасий пожаловали церкви поступления налогов от 1100 мастерских на специальные цели (погребение бедных). В дальнейшем эти поступления по назначению не расходовались, но, тем не менее, Лев VI подтвердил права церкви на сбор налогов в ее пользу с 1100 мастерских. В данном случае мы имеем дело не с полной частной собственностью, но с правом пользования частью доходов от мастерских. Такие мастерские нельзя было продать, „но право на них и продается и покупается“, как это говорилось в отношении к праву над монастырями у Вальсамона (Комментарии к „Номоканону“ Фотия, II, 1, 3). Это было городской разновидностью прони. Подобные эргастерии вносились в практики и являлись феодальным владением лица, приобретшего соответствующие права. По данным монастырских актов, монахи включали в свое феодальное владение расположенные в городских и пригородных метохах эргастерии.

III

Поскольку в городе-эмпории существовали в качестве уклада рабовладельческие отношения, поскольку товарнохозяйственные отношения в городе приспособлялись к обслуживанию феодального общества, поскольку в городе пробивали себе дорогу феодальные отношения, естественно, что в городе-эмпории преобладали отношения, характерные для переходного времени.

В. И. Ленин в своем труде „Развитие капитализма в России“ писал о переходной эпохе между барщинной и капиталистической системами хозяйства: „капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы... Вполне естественно, что соединение столь разнородных и даже противоположных систем хозяйства ведет в действительной жизни к целому ряду самых глубоких и сложных конфликтов и противоречий,

¹ Книга епарха, IV, 9; IX, 4; X, 3; XI, 7; XIII, 6; XIX, 2.

² Во 2-й схолии к „Василикам“ (XX, 1, 23) говорится о том, что домохозяин качестве квартирной платы от портного, ткача, переплетчика, переписчика книг получал 12 номисм деньгами и вместо остальных 12 номисм — натурой, т. е. их работой на домовладельца, „когда понадобится“. Подобная же форма эксплуатации встречается и в папирусах: Pap. Oxy, XVI, 1890—508 г.; Pap. Cairo, 67110, 555 г.

что под давлением этих противоречий целый ряд хозяев терпит крушение и т. д. Все это — явления, свойственные всякой переходной эпохе.¹ Поскольку В. И. Ленин говорит о „всякой переходной эпохе“, приведенные общие положения могут быть применены в известной мере и к анализу отношений переходного времени отмирания рабовладельческих и утверждения феодальных порядков. В качестве яркого примера переходных форм имущественных отношений мы можем отметить рабов, которые, будучи приняты в цех в качестве полноправных членов, ведут самостоятельно мелкое хозяйство. Это хозяйство по принципу „свободного управления пекулием“ нельзя назвать quasi самостоятельным. Это — не работник на дому по заданиям скупщика. Это хозяйство велось самостоятельно, поскольку работа в такой эргастерии раба-ремесленника не зависела от другого предпринимателя.² Подобная эргастерия является типичным средневековым мелким хозяйством, использующим подсобный труд наемного работника или ученика. Однако если технически и организационно такая эргастерия раба — типичное средневековое хозяйство, то в имущественном отношении подобное хозяйство еще полностью сохраняет основы рабовладельческого способа производства: раб в силу своего статуса не мог иметь собственности на средства производства; он мог только по милости господина (вернее: пока это представлялось выгодным господину) пользоваться предоставленным ему правом распоряжаться пекулием. Хозяйство раба не могло считаться ни держанием, ни арендой: ведь раб в силу своего статуса не мог вступать в соглашение со своим господином. Поэтому в положении раба, полноправного члена цеха, например серикария,³ мы имеем перед собою яркий пример соединения противоположных отношений: самостоятельное распоряжение средствами производства, полноправие наряду с другими членами цеха, и, с другой стороны, сохранение имущественных отношений отжившего периода. В источниках последующего времени (т. е. XIII—XV вв.) мы уже не видим больше таких хозяйств. Нужно думать, что попытка использовать мелкое зависимое хозяйство с сохранением полной собственности на человека окончилась неудачей. Подобные соединения могли приводить при доходности предприятия к выкупу раба — хозяина на свободу или, наоборот, к краху подобного предприятия и ответственности господина за действия раба.⁴

В продолжение всего переходного времени вплоть до окончательного утверждения феодальных институтов в середине XI в. в Византии политическая власть находилась (за немногими исключениями) в руках городской знати. Законодательство, которое отражало интересы именно городской знати, сохранило основы того права, которое понадобилось в дальнейшем и для феодального товарного производства и, как готовые формулы, даже для капитализма. Ведь основные положения права, регулирующие не производство как таковое, а отношения товаровладельцев между собою, т. е. основные положения о купле, продаже, ипотеке, ссудных операциях, различных договорных соглашениях, —

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 160—161.

² О свободном управлении пекулием — Василики, 13, 1, 11; 13, 1, 28, ст. 28 и др. О законности сделок, заключенных рабом, имеющим право свободного управления пекулием: Василики, 18, 5, 21. О праве господина отнять пекулий (с оговоркой — не в ущерб кредиторам по заключенным рабом сделкам): Василики, 18, 5, 9, ст. 37; 22, 5, 20, ст. 2. В юридической практике XI в. о пекулии: Пира, 38, 28, 38, 40.

³ Книга епарха, VIII.

⁴ Там же

могли быть действительными и для рабовладельческого, и для феодального, и для капиталистического обществ; товарное хозяйство с присущим ему действием закона стоимости при наличии конкуренции, анархии производства, т. е. в условиях классового общества, имеет много общего на всем пути его развития. Очень много было сделано для оформления гражданского права для общества, покоящегося на товарных отношениях, при Юстиниане. Игнорировать значение законодательной деятельности Юстиниана — значит недооценивать роль надстройки. Отдельные сентенции, юридические положения полузабытых, иногда не имевших веса в свое время юристов II—III вв. Юстиниан сделал официальной доктриной, действующим правом (Дигесты). Поскольку товарное хозяйство стало ощущать разложение рабовладельческого типа собственности, понадобилось внести изменение и в самое понимание частной собственности. Вместо характерного для античного общества разнообразия типов собственности Юстиниан законодательным путем ввел понятие единой полной частной собственности. Во время Юстиниана старинное различие типов собственности было уже не более чем „пустым и излишним словом“, почему Юстиниан приказал: „пусть каждый будет полным и законным господином над рабом или прочими предметами“, „мы не допустим никакой разницы между собственниками“ („Nullam esse differentiam patimur inter dominos... sed sit plenissimus et legitimus quisque dominus sive servi sive aliarum rerum“).¹ Во всех юридических документах позднейшего времени полная частная собственность понимается уже в смысле юстиниановской *dominium plenum*.

Однако вводя необходимые для будущего юридические нормы, византийское законодательство на всем протяжении истории Восточно-Римской империи сохраняет институт рабовладения. Сами рабовладельцы, особенно перед смертью, часто отпускали на волю своих рабов, так как не видели в их сохранении особой выгоды для наследников. Факт нерентабельности рабства нашел отражение в признании церковью отпуска рабов на волю актом индивидуального благочестия. В то же время церковь, будучи на страже интересов собственников, предавала проклятию лиц, выступавших принципиально против рабства как института. Подобным же образом и государственное законодательство, всячески поощряя индивидуальный отпуск рабов на волю, тем не менее строго стояло за сохранение рабства как института. Рабство количественно сокращалось по мере того, как приходил в упадок рабовладельческий уклад в производстве. Но законодательство не ввело никаких изменений в правовое положение раба. Пока оставался в Византии хоть один раб, его правовое положение оставалось таким же, каким оно было во II в.² Отсутствие в законодательстве запрета рабовладения и сохранение законности права владения рабом являлось результатом не только сопротивления отживших слоев общества, но и тем, что рабство как институт использовалось и впоследствии. Юридическое сохранение рабства отчасти использовано было феодалами для оформления наиболее тяжелых форм крепостной зависимости. Еще в большей мере впоследствии понадобился институт рабства восходящей буржуазии в практике колониального грабежа.

Естественным, закономерным путем политических отношений в византийских городах-эмпориях было бы превращение таких городов, как

¹ Cod. Iust., VII, 25.

² М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. Уч. зап. Свердл. педагог. инст., вып. 11, 1955.

Константинополь, Фессалоника, Трапезунт в самостоятельные городские аристократические республики типа Венеции, Дубровника и т. п. Мы знаем, что в торговых городах — Трапезунте, Херсонесе, Фессалонике — происходили попытки превратиться в самостоятельные города-государства. Но то, чего удалось добиться Венеции и другим более отдаленным от Константинополя южноитальянским и адриатическим городам, не удалось Фессалонике, Трапезунту. В самом Константинополе имелись определенные тенденции к аристократической республике — сплочение синклита, покупка должностей и званий давала возможность вливаться в состав знати разбогатевшим на торговых операциях лицам. Синклит имел тенденцию превратиться в Большой Совет аристократических республик. Но этого не произошло: Константинополь исторически сложился как центр крупного государства, и это повлияло на историческое развитие византийских городов-эмпориев. В византийской провинции закономерным был другой путь к феодализму. Это — путь, аналогичный развитию меровингско-карolingского типа, т. е. укрепление феодальной собственности, закабаление свободных общинников, упадок старых городов и переход политического преобладания к поместью, феодальная раздробленность, затем выделение ремесла из сельского хозяйства, новое восстановление городов, городского сословия и, в дальнейшем, создание национального рынка и элементов образующейся нации. Между этими двумя тенденциями феодализации происходила борьба, которая и представляет собой важную специфику византийской истории. Эта борьба происходила и в форме религиозных распри, и в форме городских волнений, придворных интриг и борьбы кланов, и острых событий правления Юстиниана II, и борьбы иконоборцев против иконопочитателей, и в зигзагах аграрной политики императоров Македонской династии, и, в особенности, в бурных городских волнениях XI в. Наконец, с 1081 г. победа перешла в руки провинциальной военноземлеладельческой знати, и развитие Византии с конца XI в. вплоть до латинского завоевания пошло по пути аналогичному каролингской монархии. Латинское завоевание снова усилило тенденции торговых городов к превращению в самостоятельные республики и самого города Константинополя в город-государство. Но турецкое завоевание положило конец этой тенденции.

Несмотря на наличие двух тенденций в развитии феодальных отношений, несмотря на острую борьбу двух прослоек господствующего класса, отстаивавших различные пути феодализации, эксплуататорские группы Византии все время ощущали необходимость в сплоченности против эксплуатируемых масс, — в городе — против выступлений плебейских масс, в деревне — против выступлений угнетенного крестьянства. Поэтому все эксплуататорские группы в Византии опирались на относительно сильную, относительно независимую, располагающую бюрократическим аппаратом императорскую власть, которая, сохраняя некоторые традиции позднеримской империи, проводила политику маневрирования между двумя борющимися прослойками знати.¹

Византийский город-эмпорий сыграл прогрессивную роль в процессе генезиса феодализма в Европе. В то время, когда товарное производство на Западе было почти совершенно забыто, в византийских городах-эмпориях оно сохранялось и укреплялось. Вместе с тем поддерживался относительно высокий культурный уровень городской знати в

¹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Ученые записки Свердловского педагогического института, вып. 4, 1948.

Византии, ощущалась потребность в сохранении некоторых остатков античной духовной культуры. Поэтому византийская образованность, византийский блеск и великолепия императорской власти и знати был недостижимым образцом для Запада в течение всего периода генезиса феодальных институтов. Но в дальнейшем наличие крупных городов-эмпориев в Византии не могло содействовать созданию национального рынка. Городская знать городов-эмпориев, защищая свои узкие интересы, рассматривала торговлю с иногородними товаровладельцами как внешнюю,¹ что могло только препятствовать сплочению городского сословия всей страны на пути к созданию национальной буржуазии.

Относительный упадок значения Константинополя и Фессалоники в XII в., когда стал складываться в зачаточной форме национальный рынок, был закономерным явлением. Именно тогда начался процесс создания новогреческой народности. Ремесленное производство и торговля в Греции стали бурно развиваться. Но при наличии Константинополя как центра империи сказывалось старинное пренебрежение к интересам провинциальных городов, Константинополь жил, по выражению современника, „разорением почти всех других городов“.² Незаконченность феодального развития византийских городов-эмпориев тоже сказывалась на дальнейших судьбах византийского ремесленного производства и торговли: естественным было бы превращение крупных городов в аристократические республики, где бы власть принадлежала торгово-ростовщическим кругам. В Константинополе же власть оказалась в руках провинциальной землевладельческой знати, которая не склонна была энергично защищать интересы городской торговой верхушки, как это делалось правительствами итальянских городов-эмпориев. В результате византийская торговля не выдержала конкуренции итальянской и складывающийся византийский рынок уже в XII в. оказался в руках итальянского купечества. Последовавшее латинское завоевание еще в большей мере подорвало возможности создания национального рынка в греческих областях Балканского полуострова. Развитие рынка в греческих областях Малой Азии, где в XIII в. появились протекционистские тенденции, поощряющие развитие местного ремесленного производства,³ было приостановлено в связи с восстановлением византийской власти в Константинополе. Гибельное влияние старинных традиций Константинополя ярко выражено в словах Сенахирима: „Нечего ждать хорошего после того, как римляне снова стали владеть Константинополем“.⁴

Турецкое завоевание в начале XIV в. окончательно разрушило складывающийся рынок в греческой Малой Азии. Героическое движение зилотов, выступавших не только против феодалов, но и против своекорыстной, препятствовавшей национальному объединению знати города-эмпория Фессалоники, было подавлено.⁵ Городская верхушка Константинополя в XV в. не проявила никакой энергии в защите города от турок.⁶ Константинополь пал, несмотря на отчаянное сопротивление народных масс. Хотя благодаря своему предательству известная часть

¹ В „Книге эпарха“ ограничения и запреты относятся вообще к лицам, прибывающим извне, см.: IV, 8; VIII, 7—8; XII, 6; XVII, 2; XX, 2.

² Constantinopolis dedicatur paene omnium urbium nuditate. Hieronymus, MPL, 27, стр. 677.

³ Gregoras, I, 43, 11, 6.

⁴ Pachymeros, I, 149.

⁵ Б. Т. Горьянов. Восстание зилотов в Византии. Изв. Академии Наук СССР, 1946.

⁶ З. В. Удалцова. Предательская политика феодальной знати в период турецкого завоевания. Виз. вр., т. VII, 1953.

торгового населения Константинополя и получила некоторые выгоды, но в руках турок и Константинополь и Фессалоника из городов-эмпориев надолго превратились в деградирующие центры потребления феодальной централизованной ренты при грубейших формах турецкого феодализма. Дальнейший рост элементов капитализма был затруднен, капиталистическое развитие Балкан и Малой Азии было задержано на много столетий.
